

SOCIOLINGVISTIKA/ SOCIOLINGUISTICS

Специфика концептуализации понятия «язык» в эссе Чеслава Милоша

Асия Ковтун

Аннотация. В современной культуре одна из важнейших презумпций – акцент на язык как нестабильную среду генерации смысла. Язык, воспринимаемый как концепт, может стать перекрестком целого ряда проблем. Чуткость к слову с первых произведений становится доминантой культурного сознания Чеслава Милоша. Книгу «Придорожная собачонка» (1998) Ч. Милош писал на протяжении многих лет. Его основе лежит характерная для Милоша рефлексия, философичность. Ч. Милошу не чуждо понимание языка как одного из центральных философских концептов современной культуры. Автор видит язык как автономную реальность, со своей внутренней структурой. Концептуализация языка осознается как отражение знаний о человеке: автор принимает язык как фонд, которым можно пользоваться для описания мира. При этом он воссоздает уже существующие признаки концептов и изобретает новые. Специфика концептуализации понятия язык связана и с его категориальными и ценностными характеристиками. Даже постижение смысла бытия оказывается оказывается тождественным языковому его конструированию. Трактовка языка как порождающего феномена понятна Ч. Милошу. Понимание языка как обращенного к внеязыковой действительности, к человеку, который воспринимает ее, культуре, миру, позволяет автору рассуждать о подвижности границ этого концепта и процессуальности его концептуализации. Ч. Милош допускает мысль о том, что можно сомневаться в языковой автономии субъекта, поскольку любая идея уже есть в языковых структурах. Автор должен учиться следовать за логикой языка. Такой подход к языку помогает по-новому осознать с позиций концептуализации становление смысла любого текста.

Ключевые слова: деконструкция, концепт, язык, говор, диалог.

Введение

Современная лингвистика размышляет о языке как о сложной и менее регулярной системе, чем она представлялась еще несколько десятилетий назад. Язык видится как составная часть и хранилище культуры и информации. В качестве уникального вместилища свойств мышления и сознания язык все более привлекает исследователей.

Актуальность статьи определяется обращением автора к новейшим аналитическим стратегиям, основанным на соотношении знака и текста и возможности самодеконструкции текста через письмо. Эта установка предполагает максимальное погружение исследователя в текстовую структуру.

Метод исследования – деконструкция как стратегия изучения текста. В исследовании она применяется в свете идей Жака Деррида. В качестве исходной позиции нами принимается письменная ориентация деконструкции. Деконструктивное чтение текстов Ч. Милоша предполагает высвобождение множества смысловых оттенков и значений. Они объясняют, корректируют, даже трансформируют уже существующие представления.

Цель исследования – продемонстрировать динамику постижения текста; интерпретационные возможности деконструкции как стратегии; в свете идей постструктурализма рассмотреть взгляд Ч. Милоша на язык как один из важнейших концептов современности и выя-

вить специфику концептуализации этого понятия в тексте мыслителя.

Объект исследования – книга Чеслава Милоша «Придорожная собачонка: эссе» (1998).

Содержание понятия концепт

Традиционно концепт (лат. *conceptus – понятие*) – трактуется как содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. Концепт функционирует в режиме понимания-объяснения. Постструктуралистское представление о концепте изложено в книге Жиля Делеза и Феликса Гваттари «Что такое философия?». В качестве начального может быть принято следующее положение:

«Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел. У концептов не бывает небес. Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто» (Делез, Гваттари 1998, с. 14).

В теории постструктурализма концепт перестал трактоваться как вспомогательный инструмент понимания и приобретает статус «начала философии». Понятие, согласно Делезу и Гваттари, не должно соотноситься ни с субъектом, ни с объектом, т.к. оно является совокупностью обстоятельств, вектором взаимодействия сил. Вместе с тем концепт творится своим создателем и несет его авторскую подпись. При концептуализации он тотализирует свои элементы, но и представляет со-

бой отдельные фрагменты, каждый из которых концептуален в свою очередь, имеет свою историю, самостоятелен. Концепт соотносится с проблемой или проблемами, на которые он призван отвечать и сочетается с другими концептами. Одним из важнейших свойств концепта является процессуальность. Можно сказать, что концепт есть предельное состояние ума, когда достигается понимание, то есть когда осуществляется «задание души». Постструктуральное представление о концепте основано на утверждении, что понимание это мгновенное, точечное состояние, достижение самой завершенности. Память и воображение являются неотторжимыми свойствами концепта, направленного на понимание здесь и теперь. Согласно постструктурализму только современность в некой мере стирает различие между реальностью и представлением о ней. В сегодняшнем пространстве культуры меняются презумпции классического типа. Среди новых презумпций одна из важнейших – акцент на язык как нестабильную среду генерации смысла. Язык, воспринимаемый как концепт может стать перекрестком целого ряда проблем. На этом пространстве он соединяется с другими, сосуществующими проблемами. Концепт язык с такой позиции может рассматриваться как точка совпадения и скопления множества составляющих. Каждая составляющая становится интенсивным признаком концепта.

Язык как доминанта культурного сознания Чеслава Милоша

Польский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе Ч. Милош был в человеком европейской культуры. Нобелевская речь Ч. Милоша открывается мыслью о значении слова и языка для формирования открытого сознания:

«Прекрасно родиться в малой стране, где природа человечна и соразмерна человеку, где на протяжении столетий сосуществовали друг с другом разные языки и разные религии», – писал Милош. – «Я имею в виду Литву, землю мифов и поэзии. И хотя моя семья уже с XVI века пользовалась польским языком, как многие семьи в Финляндии шведским, а в Ирландии английским, и в итоге я польский, а не литовский поэт, но пейзажи, а может быть, и духи Литвы никогда меня не покидали. Прекрасно слышать с детства слова латинского богослужения, в школе переводить Овидия, учиться католической догматике и апологетике» (Милош 1991, с. 204).

В современном мире такая открытость означает принятие чужого слова, другой культуры. Чуткость к слову с первых произведений становится доминантой культурного сознания Ч. Милоша. Иосиф Бродский вовсе не случайно называл его «может быть, самым великим поэтом» современности. Для него Милош воплощал одно из важнейших призваний поэта – словом противостоять окружающему хаосу. Милош для Бродского оставался прежде всего поэтом, то есть человеком, сознание которого укоренено в культуре, в языке и которому сама жизнь в слове открывает другие культуры и миры (Бродский 1998).

Книгу «Придорожная собачонка» (1998) Ч. Милош писал на протяжении многих лет. Это неожиданное название объединяет эссе, стихи, отрывки, маргиналии,

мысли о жизни и творчестве, теологические мини-трактаты, сюжеты несозданных произведений. Автор, по собственному признанию, «всегда тосковал по форме наиболее емкой, которая не была бы слишком поззией и слишком прозой». Миниатюры, вошедшие в сборник, похожи на мысли вслух или дневниковые заметки, иногда они близки к эссе или развернутым афоризмам, часть их вполне вписывается в рамки рассказа и притчи, но, несмотря на неопределенность жанра в современных литературных категориях, очевидно, что в его основе лежит характерная для Милоша рефлексия, философичность. Эти качества являются основой важнейших эссеистических книг Ч. Милоша – «Поработенный разум» (*Zniewolony umysl*, 1951-52), сборник эссе, посвященных американской цивилизации – *Видения на берегах залива Сан-Франциско* (*Widzenia nad zatoką San Francisko*, 1969), сборник эссе *Начиная с моих улиц* (*Beginning With My Streets*, 1992).

Авторская концепция книги «Придорожная собачонка» выражена уже в первом эссе, где Милош объясняет название:

«Было начало столетия; теперь оно подходит к концу. Я думал не только о людях, которые там жили, но и о поколениях собачонок, участвовавших в повседневной жизненной суете, и однажды, непонятно откуда, – вероятно, в предутреннем сне, возникло это смешное и ласковое название: «Придорожная собачонка» (Милош 2002, с. 7).

Книга стала событием в литературной жизни Польши.

Деконструктивное чтение эссе Ч. Милоша предполагает высвобождение множества смысловых оттенков и значений. Они объясняют, корректируют, даже трансформируют уже существующие представления. Примем основное положение деконструкции о том, что в рефлексируемое отношение мира и сознания включаются письмо и язык. Они выступают как средство, фиксирующее результаты деятельности разума. Вместе с тем важно замечание, что задача деконструкции – показать возможность постоянного деконструирования созданного и уже апробированного содержания (Culler 1985, с. 180-184). Для нашего контекста важно, что деконструкция не претендует на создание единственного значения, корреляции бытийной истины. Осознавая чрезвычайную ответственность перед текстом Ч. Милоша, основным условием работы мы видим максимальное собственное устранение и возможность самодеконструкции текста через письмо. Этой установкой объясняется постоянное цитирование текста книги.

Лингвистический скептицизм Чеслава Милоша

Представление о языке в постструктурализме основывается на идее невозможности самосознания и самопознания субъекта. Можно утверждать, что глубинные языковые и культурные структуры, вне воли субъекта формируют характер его поведения и мысли. Лингвистический скептицизм постструктурализма своими истоками уходит в нигилистическую философию. Ее суть передает мысль Фридриха Ницше о том, что нет фактов, существует только их интерпретации. Как известно, одним из идеологов децентрации субъекта и сознания был Фридрик Ницше. Он первым заговорил о

свободе предиката «мыслить» от субъекта «я». Он отметил, что мысль приходит, когда она хочет, а не когда я хочу (Nyše 1991, с. 331). Поэтому говорить, что субъект «я» является условием предиката «мыслить» нельзя. Ницше рассуждает, что каждая ситуация «я мыслю», предполагает сравнение с другими подобными ситуациями. При этом условии субъект каждый раз пользуется только собственным опытом и не бывает уверен до конца в истинности мышления. Согласно Ницше, истина есть не что иное как модифицированная, скрытая метафора. Он определяет метафору посредством близости контекстов, но любое сближение есть «уравнивание неравного». Он спрашивает:

«Что же, таким образом, представляет собой истина? – марширующую армию метафор... и антропоморфизмов;... истины есть иллюзии, которые забыли о своей иллюзорной природе» (Nietzsche 1979, с. 374).

Постструктурализм так же постулирует идею кризиса репрезентации, идею разрушения классического образа мира, но «не в вещах, а в и на языке» (Умберто Эко). Подобная интуиция известна и Ч. Милошу. Он понимает, что не существует ничего, кроме множества индивидуальных, не связанных друг с другом впечатлений и образов. Надежда осознать истину разумом и индивидуально не оправдалась. В результате все оказалось «не то». («Читаешь дневники, воспоминания, репортажи, романы, стихи – всегда с надеждой и всегда с одним и тем же результатом: не то» (Милош 2002, с. 11). Здесь следует вспомнить замечание Р. Барта о тексте:

«Литература не просто использует язык, но как бы выставляет его на всеобщее обозрение, она вовлекает знание в нескончаемую работу некого рефлексивного механизма, где знание, с помощью письма, безостановочно размышляет о самом знании» (Барт 1989, с. 552).

Ч. Милошу так же не чуждо понимание языка как одного из центральных философских концептов современной культуры. Он пишет с иронией:

«Сейчас я не уверен справедливо ли это, однако настали времена, когда слово имеет отношение не к предмету, например, к дереву, а к тексту о дереве, который ведет начало от текста о дереве и так далее» (Милош 2002, с. 58).

Автор видит язык как автономную реальность, со своей внутренней структурой. Словом оформляется и текст, который существует «в себе и для себя» и формируется речью (движение у Делеза в «Логике смыслла» происходит «от шума к голосу», «от голоса к речи», от речи к слову, к глагольному слову, изнутри интенциально содержащему возможность изменения) (Делез 1995, с. 205). При этом в процессе концептуализации слово разделилось на язык и речь. Речь связана с пространством души с ее ритмами, энергией, интонацией, уточнениями и комментариями. Грамматика становится только ее частью. Речь может быть охарактеризована как сущность, обладающая субъектностью, смыслоразделительной функцией и смысловым единством. Речь – это не диахронический процесс звуковой последовательности, а синхронический процесс выявления смыслов. Речь как основа любого текста структурирует при помощи языковых средств. Ч. Милош в эс-

се «Феерия» так же искусству, мифологии и философии, основанным на речи, передает функции познания нашего мира.

«Все искусства, все мифы и всякая философия, отнюдь не замыкающиеся в собственной высокой сфере. Ведь из них, из снов разума, и возникла та преобразованная и преображаемая с помощью математических уравнений планета, которую мы знаем (Милош 2002, с. 72).

При концептуализации язык представляется структурой, т. е. строением, расположением, порядком, совокупностью внутренних связей, внутренним устройством объекта. Причем внутренние связи объекта необязательно устойчивы и тождественны объекту. Они могут быть свободными и подвижными в пределах структуры. Подобное понимание языка есть у Ч. Милоша. Эссе «Ощущать изнутри» язык он принимает как непрерывное скольжение смыслов и игру незакрепленных сигнификаций. Однако этот процесс способствует упорядочиванию хаоса непонимания и превращению его в диалог. Концептуализация языка осознается как отражение знаний о человеке: автор принимает язык как фонд, которым можно пользоваться для описания мира. При этом он воссоздает уже существующие признаки концептов и изобретает новые. Милош размышляет:

«В процессе письма совершается некое превращение: непосредственные данные – скажем, сознание как ощущение себя изнутри – позволяют вообразить таких же людей, так же ощущающих себя изнутри, благодаря чему я могу писать о них, а не только о себе» (Милош 2002, с. 23).

Смылосозидающая и текстоконструирующая роль языка в постструктурализме

Специфика концептуализации понятия язык связана и с его категориальными и ценностными характеристиками. В постструктурализме формируется совершенно новое видение языковой реальности. Концепты объективируются в виде слов или сочетаний слов, в которых отражаются признаки языковой картины мира. Даже постижение смысла бытия оказывается оказывается тождественным языковому его конструированию. (Ср. «Что не произнесено, обречено на небытие» – заметил Ч. Милош (Милош 2002, с. 63). Трактовка языка как порождающего феномена понятна Ч. Милошу. В эссе «Сила слова» он пишет:

«Можно сказать, что даже самая мощная, полнокровная, деятельная личность лишь тень по сравнению с несколькими точными словами, описывающими, скажем, хотя бы восход луны» (Милош 2002, с. 63).

При концептуализации понимаемый в расширенном смысле язык перестает подчиняться стереотипам времени и сознания. Он страдает, когда субъект или «cogito», зависимый от иллюзии собственной свободы, навязывает ему свои смыслы. В эссе «Предостережение» Ч. Милош так же замечает, что наше представление о мире имеет мало общего с истинным миром («Подумаем об этом и содрогнемся» (Милош 2002, с. 73). По его мысли язык находится в особых отношениях с миром культуры. Стремление к истине привораживает при помощи языковых средств. Ч. Милош в эс-

дит к рассказу или стиху, которые поэт обозначает только как мифологию – «и не было так, и ты так не чувствовал». Он делает вывод: «Это сам язык раскидал свою шелковую пряжу, чтобы закрыть то, что без него было бы ничем» (Милош 2002, с. 135).

Вместе с тем, по замечанию Деррида, «Письменность понимает язык, во всех смыслах этого выражения» (Derrida 1967, с. 15-16). От письменного развития нации может зависеть сохранность культуры. Подобное понимание культурного значения языка близко Ч. Милошу.

«Его произведение через двести, триста лет. Если будет существовать язык, на котором оно написано, То есть зависимость, огромная зависимость от множества глупцов, которые, этим языком пользуясь, будут тащить его вниз и по дальше от умных, которые будут его совершенствовать» – рассуждает мыслитель (Милош 2002, с. 75).

Жак Деррида так же связывает с проблемами языка, культуры и истории выходы к проблемам логической истины, в которой он видит редукцию «реального текста исторического опыта» («Историко-метафизическая эпоха должна согласиться с тем утверждением, что язык составляет весь ее проблемный горизонт» (Derrida 1967, с. 15-16).

Конституирующая роль языка в истории Милош показывает через значение польского языка. Он пишет:

«Польский поэт с великим трудом преодолевает в себе заповеданные родным языком заботы о судьбе страны, зажатой между двумя державами» (Милош 2002, с. 103).

Нужно заметить, что мыслитель встревожен положением с польским языком. Его чуткость к связи языка и культуры демонстрируется замечанием:

«Не могу простить своим неизвестным предшественникам того, что они не упорядочили польский язык и оставили мне фонетическую неряшливость всех этих «*тие*», «*ши*», «*ичи*» (Милош 2002, с. 75).

Здесь возможно сближение понимания языка Ч. Милошом с грамматологическим пониманием мира Жака Деррида, где изучается не готовый знак, а те процессы, которые его порождают. Причем основной акцент может быть сделан на интерпретацию освоения текста. В такой интерпретации важен поиск глубинного значения, освобождения от власти языка. Если в классической западной философии существовало представление о прозрачности языка по отношению к мысли, то в постструктурализме язык рассматривается как способ сколь просветления, столь и затемнения смысла. Тезис соотношения языка и феномена власти стал аксиомой. Текст освобождается от автора и попадает во владение читателя, который становится основным источником смысла. В эссе «Мечта» Милош пишет о таком соотношении письма и смысла:

«Очень хочется открыться перед людьми и рассказать о своей жизни все. Невозможно. Получится разве что психологический роман, да и то страшно далекий от правды» (Милош 2002, с. 113).

«Грамматологическое» понимание языка как отказа от «репрессивной ясности» просматривается в различных

эссе Милоша. Он воспринимает свое произведение как некое обязательство. Законченное творение, созданное «если бы люди знали, какой ценой», несет в себе множество смыслов. А создатель всегда медлит перед последней точкой и необходимостью завершения (Милош 2002, с. 67). Он пишет в эссе «Не тот»:

«Я и они. Удастся ли пробиться к ним? Поэт знает: они принимают его не за того, кто он есть, так будет и после его смерти, и никакое знамение с того света этого не опровергнет» (Милош 2002, с. 59).

Жак Деррида приходит к выводу, что слово и обозначаемое им понятие, т.е. слово и мысль, слово и смысл, никогда не могут быть одним и тем же, поскольку то, что обозначается, никогда не присутствует, не «наличествует» в знаке. Сама возможность понятия «знака» как указания на реальный предмет предполагает замещение знаком. Постструктурристское понимание означивания основывается на отказе от идеи референции. Смысль текста не бывает данным или заданным. Смысль является в процессе, так как язык нельзя принимать как нейтральное вместилище смысла. Становление текстовой семантики – это вкладывание смысла в текст. Тогда важным становится не значение, а означивание. Оно понимается как движение в сфере письма а-текста. Ч. Милош свое понимание концептуализации языка передает в эссе «Название»:

«Сказочная была роскошь, только искусственная: /Блеск таился в названии *Emberiza citrinella*./ А не в птице, не в дереве, облаке или камне.» (Милош 2002, с. 74).

Поэт чувствует, что акустический образ не обязательно мыслится как отпечаток внешней реальности. Здесь опосредованно подтверждается мысль Жака Деррида о том, что письмо есть начало любой языковой деятельности.

Вместе тем в эссе «85 лет» Ч. Милош видит знаковость как основу языка.

«И я спрашивал себя: неужели за то, чтобы написать несколько хороших вещей, нужно расплачиваться не только изломанной жизнью, как я, но и шелухой, сором на пути к нескольким поистине чистым знакам?» (Милош 2002, с. 133).

Следует ли понимать уточнение Милоша «чистый знак» в контексте постструктурлистских представлений о знаке? Деконструктивный подход к произведению Милоша дает основания для подобного допущения. «Чистый знак» может быть соотнесен с «пустым знаком» – понятием постмодернистской философии, связанным с презумпцией открытости и бесконечности ветвящихся и пересекающихся значений знака. Его чистоту может детерминировать бесконечность культурных интерпретаций. В таком положении рациональный декартовский субъект деперсонализирован. Как инструмент деперсонализации действуют культурные смысли языка. Начало эссе подтверждает возможность подобной позиции.

«Если бы стало известно о чем я думаю! ... Убытки – фальшивые слова, вышедшие из-под моего пера, слова, которых не вернешь, ибо они напечатаны и останутся навсегда, при-

чем они и окажутся самыми привлекательными и будут чаще всего повторяться» (Милош 2002, с. 133).

Здесь есть указание на доступность стереотипных, традиционных знаков. Эта видимая сторона знака, часто принимаемая как истина, ощущается Милошем как фальшь. В различных дискурсах книги звучит мысль о трансгрессии смысла и понимания, об ограниченных возможностях языка. Иногда это очень трагическое признание собственного одиночества: «Всю жизнь разыгрывать, что он и мой, их мир.// Сгорая от стыда за это шарлатанство» (Милош 2002, с. 12). Иногда признание в ограниченности собственного воображения:

«...порой вдруг осознаешь, сколь узко твое воображение, словно слишком толстые кости черепа мешают разуму охватить то, что ему причиталось» (Милош 2002, с. 8).

И в то же время, Милош не решается перешагнуть эту грань, он постоянно пытается примирить реальность и ее словесное изображение, приходя в замешательство и недоумение по поводу несовместимости

«того, что испытано, и того, что описано. Ткань языка имеет постоянную склонность отклеиваться от действительности, и наши усилия приклеить ее обратно по большей части безуспешны, хотя – мы ощущаем это – совершенно необходимы».

Иногда мыслителю кажется, что язык не подчиняется ему:

«Мне следовало бы знать все, что происходит сейчас в каждой точке земли, уметь постигать мысли и своих современников, и людей на несколько поколений моложе, а также тех, кто жил и две, и восемь тысяч лет назад» (Милош 2002, с. 8).

Вывод из подобных размышлений таков: «Следовало бы, ну и что».

Выводы

Анализ способов концептуализации понятия язык в эссе «Придорожная собачонка» показал, что представления об этом концепте Ч. Милоша оближается с постмодернистскими. Понимание языка как обращенного к внеязыковой действительности, к человеку, который воспринимает ее, культуре, миру, позволяет автору рассуждать о подвижности границ этого концепта и процессуальности его концептуализации. Ч. Милош допускает мысль о том, что можно сомневаться в языковой автономии субъекта, поскольку любая идея уже есть в языковых структурах. Автор должен учиться следовать за логикой языка. Такой подход к языку помогает по-новому осознать с позиций концептуализации становление смысла любого текста.

Литература

1. Барт, Р 1989, Избранные работы: Семиотика: Поэтика, Прогресс, Москва..
2. Бродский, И 1998, Труды и дни (ред. Вайль, П, Лосев, Л), «Независимая газета», Москва..
3. Culler, J 1982, On deconstruction. Theory and criticism after structuralism, Cornell University Press, Ithaca.
4. Делез, Ж 1995, Логика смысла. Москва-Екатеринбург (Фуко, М), Theatrum philosophicum, Раритет, Деловая книга, Москва-Екатеринбург.
5. Derrida, J 1967, De la grammatologie, Ed. de Minuit, Paris.
6. Делез, Ж, Гваттари, Ф 1998, (Гваттари, Ф) Что такое философия?, Институт экспериментальной социологии, Спб., Алетейя, Москва.
7. Милош, Ч 2002, Придорожная собачонка: эссе, «Независимая газета», Москва..
8. Милош, Ч 1991, Речь в Шведской королевской академии. Стокгольм, декабрь 1980, Иностранная лит-ра, № 5.
9. Nietzsche, F 1978, The genealogy of morals, A Harvest/ HBJ Book, New York, London.
10. Nyčė, F 1991, Rinktiniai raštai, Pradai, Vilnius.

Asija Kovtun

Sąvokos „kalba“ konceptualizacija Czeslawo Miloszo knygoje „Pakelės šunytis“

Santrauka

Straipsnis analizuoja sąvokos „kalba“ konceptualizaciją Nobelio premijos laureato Czeslawo Miłoszo esė „Pakelės šunytis“. Dekonstrukcija kaip teksto studijų strategija tyrime grindžiama Žako Derida idėjomis. Atskaitos tašku pasirenkama dekonstrukcijos rašytinė orientacija. Dekonstrukciniis Czeslawo Miłoszo esė skaitymas įgalina atskleisti daugybę prasmių niuansų ir reikšmių. Czeslawas Miłoszas aiškina kalbos suvokimo strategiją, tiesos metaforiškumo idėją. Rašytojas suvokia kalbos konceptualizaciją kaip nepaliaujamą prasmių ir signifikacijų žaismą. Šis procesas padeda sutvarkyti nesupratimo chaosą ir paversti jį dialogu. Autorius manifestacija jau egzistuoja kalbos struktūrose: jis geba sekti kalbos struktūrų logiką. Toks požiūris į kalbą padeda naujai apmąstyti autorius saviraiškos tekste kategoriją.

Straipsnis įteiktas 2006 05
Parengtas spaudai 2006 12

Об авторе

Асия Kovtun, др., зав. Центром славистики им. «Чеслава Милоша» Университета Vytautas Magnus, доцент кафедры литературы факультета гуманитарных наук Университета Vytautas Magnus.

Научные интересы: история и теория литературы, культурология.

Адрес: Университета Vytautas Magnus, ул. К. Донелайчю 52, Каунас, Литва.

E-mail: Asija_Kovtun@fc.vdu.lt

